

Тема, которая ждет своего художника

«Отвозовались промы, и вот умыты мы и чистой черемух, и свежестью жёлы. И вот, мы поимки мало вспоивную нас грудь, и вот мы славым мало и-тех, што лег, как шпалы под наш железный путь».

Эти слова займетрованы нами в стихотворении Иосифа Уткина — «Гимн красноармейцу». Копируется это стихотворение призывом напомнить и славить тех, которые легли костями за дело революции.

«По всем путям и тропам,
У всех морей и рек
Лежит, борьбой растоптан,
Прекрасный человек.
И девушки не цели...
И дом родной далек...
Лежат он под шинелью
Без шлема и сапог».

Да, приходится сознаться: красноармеец, рядовой красноармеец не занимает в нашей литературе того места, которое он должен по заслугам занять. Однако не надо, красноармеец еще ни разу не стоял в центре внимания наших пролетарских художников. Это замечание многих удлит и, быть может, возмутит. Как так? — возражат они. — «Конария», Бабеля, «Неделя», Либединского, «Железный поток», Серафимовича, «Разгром», Фадеева, — все эти произведения берут своей темой праздничную войну, Красную армию; ее славных командиров и героических сподвижников, а вы говорите, что Красная армия не получила своего отражения в литературе?

Однако стоит лишь внимательно прочитать хотя бы перечисленные произведения, чтобы убедиться, что в них имеются и гражданская война, и героические рассказы, и бесаватные жертвы, но Красная армия меньше всего фигурирует в них.

Что касается, так называемых, популярно, то они культивировали, точнее, смаковали изображения всех тех моментов, которые неизбежно сопутствуют всякой революции, но которые ни коим образом не выражают духа революции, ее подлинной сущности.

Всем памятна толпушка Пидляка, грусто засеянные красноармейцами, вшами и члениковыми вопраниями. На фоне паровой площадки разыгрываются ужасные сцены, причем в главных ролях выступают красноармейцы. Они измучены, истощены, извращены материнской, и все это совершается под прибитым шлемом, завывающей, пахтающей снежной бурей.

Бабелю в рассказе «Соль» удалось посредством бохотростного описания показать Никиту Балманова — солдата революции, устранившегося в вагоне жовницкую с револвом, но приходящего в неписуемое негодование, когда узнает, что дитя-то импрессионистское, что вместо него — сверток соли, что «прелегательская мать» — обманчивая оневулятка.

«Ц, спив со стески верного вшита, и смил позор с лица трудящихся республик».

Так вопиюще возорито и убедительно сообщает Никита Балманов о своей расправе со спекулянтской, обманушкой его, Балманова, и всего извода доворно.

Однако, уже в первых рассказах Бабеля злобно выступали те патлы, которые, все более и более стужались, превратились в настоящую гангрену. Цикл этой болезни (литературной) — «ползая проблема». Животное, зоологическое выварает из каждого рассказа Бабеля. Никита Балманов — это только ридотское пычальник на фоне армеевской массы, одержимой, по предстательству Бабеля, инстинктами и страстями самого шимового прохлехадения. Из-за ползвой проблемы не видно социальной проблемы.

Читая Пидляка и Бабеля, несколько спрашиваешь себя: а что было бы, если бы армия в действительности состояла из таких дикообразов? Добылись ли бы мы того положения, которое позволяет нам праздновать десятилетие Красной армии? Опору нет, являлись распущенности в период гражданской войны имели место в отдельных частях Красной армии. Но входит ли в задачу художника смакование всех этих частных случаев, из-за которых не видно подлинного, героического профиля Красной армии?

Либединский, «своей «Неделе» взяла курс на более сложное, реалистическое изображение эпохи гражданской войны. Красноармейцы дамы в этом произведении описательно, в плане столкновения с учительницей Грившой. Последняя болзла викачале своей аудитория. «Но однажды, когда она заморозилась на февральском ветру ругая тачила долой свой писк, к ней подошли два высоких красноармейца, — это были ее ученики. Она, по обыкновению, испугалась, покраснела, и один из них, голубоватый великан, приветливо предложил ей помощь и ее дождался».

Шинь ее позволения, легко взметнула лешок на плечо».

Вот этот прямой интриг, расувавший красноармейца из со стороны измотно-биологической, а со стороны заломанных в нем высоких качеств, является, к сожалению, почти единственным в «Неделе».

«Разгром», Фадеева, нечет тем, что он ставит в центре образа его жизнь, его подвиг. Морозка, простой, неотсудный Морозка, движимый в своих действиях глубоким классовым инстинктом, образная вообразительность. И то, надо сказать, что Морозка дан, главным образом, в плане личных переживаний, его столкновения с Мечиком и Варей. Фадеев продолжает держать курс не на массу, а на «командный состав», на Довганцов, Бакалавровых, на самых передовых.

А. Малышкин в своих чрезвычайно сильных произведениях («Падение Данра») дает всю героическую массу в целом, почти не выдвигая отдельных фигур.

Подводя итоги, приходится согласиться с тем, что Красная армия не получила своего полного, яркого отображения, хотя в этом отношении имеются интересные и ценные попытки (прежде всего Фурманова, Демьяна Бутлова и т. д.). У большинства же пролетарских писателей армия дается крайне бедно и схематично. Армия — это коллектив, «бушующий миллионными руками, клочущий как вулкан». Этот своеобразный штамп чувствуется у многих наших писателей.

А показать рядового красноармейца, раскрыть его подлинное лицо, обрисовать процесс его роста в армии, — это задача большая, трудная, требующая большого художественного чутья. Когда читаешь соответствующую литературу, то получается впечатление, что армия зародилась «в эфире», что вместе с Октябрем она упала на нас с неба, как манна небесная.

Между тем, лицо большевистской Красной армии уже создавалось, в сущности, на фронтах русско-германской войны.

Западная литература изображала рядового солдата, показала, как это окошное существо, обросшее грязью и покрытое вшами, постепенно превращается революционным сознанием.

«Гора Хорив», Дюжети, «Солдатская война», Лефевра, «Дневник оттого вдова», Барбюса, «Ад», Штигеляухера, стихотворения Эрнста Толлера и Иоганна Бехера дают прекрасный материал для описания рядовых солдатских масс, постепенно превращающихся революционными, а затем и большевистским настроением. У нас же нет почти таких произведений, которые претендовали бы на глубокое художественное изображение процесса образования Красной армии, подпольной, «до-октябрьской».

***

Сейчас стало модно говорить о новом человеке. Против нового человека никто не смеет возражать. Необходимо отметить только следующее: новый человек получается в нашей литературе очень узкую и одностороннюю трактовку. Его ищут и находят, главным образом, во партийной жизни (Левинсон, Чумалов и т. д.).

Но кроме партийной среды, имеются и другие источники, где приходится наблюдать нового человеческого материала. Нового человека надо видеть и в деревне, в деревне, на заводах и, наконец, в нашей армии, где происходит подлинная переработка человеческого материала.

Красноармеец, ныне волевыми силами в казармах, должен срочно войти в новую литературу и занять в ней заслуженное место. Когда-то Безыменский писал:

«Смешно не видеть
Красной армии,
Не видеть молнии
Октябрьской грозы.
А вот воспойте
Красноармейца в казарме,
Во имя революции,
Добывающего азы».

Но писать законы, — говорит поэт, — легче, чем их выполнять. Бродяг своевременно этот закон, Безыменский сам пока не нашел сил и возможности выполнить его.

Отразить в литературе, как вчерашний, восторженный восторг поднимаются из грязи невежества, как он воспитывает в себе аккуратность, как он чистится и моется, как он шипит, тайком от товарищей, стихи, как он демобилизуется, — не за тем, чтобы «осесть» и обрабатывать хозяйством, а затем, чтобы окунуться всем существом в работу, в борьбу за новую жизнь, — такой обширный материал для художественных обобщений. Нашим писателям следовало бы заглянуть в казармы; они найдут там ценную малоисследованную руду сюжетного, бытового, психологического материала.

Тов. Небах предпринял интересную и полезную работу своим «Дневником красноармейца», хотя по опубликованным отрывкам трудно судить о художественных достоинствах этой работы. Несомненно одно: тема эта большая и трудная, требующая внимания пролетарской литературы.

Слово за нашими писателями.

М. БЕККЕР